

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич

Думы и грезы

Стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С32

С32 **Сергей Николаевич С.**
Думы и грезы: Стихи / Сергеев-Ценский Сергей Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 109 с.

ISBN 978-5-519-85421-4

ISBN 978-5-519-85421-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Востъ вѣтеръ, стонетъ и поетъ,
Точно злобный свой доносъ куетъ
На царя, простершаго въ пыли,
Властелину неба и земли.

Сонъ-ли это, или на яву
Видитъ онъ горящую Москву?
Море безпощаднаго огня
Освѣщаетъ тьму сильнѣе дня,

Трескъ обломковъ, крики голосовъ,
Безутѣшный плачъ сиротъ и вдовъ,
Ревъ скота и вопли и набатъ --
Въ раскаленномъ воздухѣ висятъ.

Вѣтра вой и грозень и могучь...
Сонъ-ли это? -- Изъ за черныхъ тучъ,
Изъ-за тьмы, лежащей за окномъ,
Новгородскій видитъ онъ погромъ.

Мутный Волховъ трупами покрытъ,
Снѣжный берегъ кровью весь залить,
И лихимъ опричникамъ не счесть
Юныхъ женщинъ, потерявшихъ честь.

Бьютъ поклоны въ землю Іоаннъ:
„Обличи мечты моей обманъ,
„Сатанинскій призракъ отгони,
„Помяни ихъ, Боже, помяни!“

Но видѣнья не уходятъ прочь,
И темна и безконечна ночь,
И великъ и непокоренъ страхъ,
И слова застыли на устахъ.

Облегченья не найти ему:—
Онъ застѣнокъ видитъ и тюрьму...
Стоны жертвъ и крики палачей,
Звонъ цѣпей и хлопанье бичей,

Хрюскъ костей на зубьяхъ колеса
Подымаютъ дыбомъ волоса,
И огонь его, не жертвы жжетъ,
И съ лица его струится потъ.

Вѣтра вой и жалобенъ и дикъ...
Грозный царь безпомощно приникъ
Головой къ подножью алтаря,
Но мечты преслѣдуютъ царя.

Слышитъ онъ тяжелый шумъ шаговъ,
Адскій смѣхъ и лясканье зубовъ,
И, спѣша, мертвецъ за мертвецомъ
Обошли его сплошнымъ кольцомъ;

И кричатъ ему на перебой:
„Подымайся, всѣ мы за тобой,
„Предъ тобой мы чисты какъ алмазь,
Подымайся, Богъ разсудитъ насъ.“

И вопять ему со всѣхъ сторонъ:

— „Осужденъ ты будешь, осужденъ!“

И не смѣетъ онъ поднять лица,

И не смѣетъ онъ просить конца.

Ночь осенняя какъ смерть темна,

Ночь осенняя какъ жизнь длина,

Скоро полночь, но разсвѣтъ далекъ,

Сонъ усталыхъ москвичей глубокъ.

II.

Не дождавшись зари, онъ бѣжалъ изъ дворца

Торопливо и тихо, какъ тать;

Глубоко залегла на морщинахъ лица

Утомленья, испуга, тоски безъ конца,

Недодуманной думы печать.

Онъ скакалъ по простору Московскихъ полей,

Окруженный опричной лихой;

Вторилъ вѣтру стихавшему топотъ коней,

Становилось небо яснѣй и бѣлѣй,

Дышалъ холодомъ воздухъ сухой.

Безконечною лентой неслась передъ нимъ

Его жизнь и темна и страшна,

Безъ лучей, безъ огней, точно рѣющій дымъ,

Точно сонъ, напоенный кошмаромъ

[ночнымъ,

Точно хмель послѣ чаши вина.

И казалось, что злая насмѣшка судьбы
Все толкала его на позоръ;
По велѣнью ея, безъ угрозъ и борьбы
Трепетали предъ нимъ боязливо рабы
И склонялися въ прахъ подъ топоръ.

И не могъ онъ теперь, въ часъ раздумья, понять:
Передъ чѣмъ онъ курилъ ѳиміамъ?
Самовластье при немъ, и раздавлена знать,
И достигнута цѣль, но бѣжить онъ, какъ тать,
И въ душѣ его ужасъ и срамъ.

Въ монастырь, гдѣ молитва и вѣра царить,
Въ монастырь, гдѣ прощенье живетъ!
Снять съ души наболѣвшей и ужасъ и стыдъ,
Сожалѣнія поздняго гнетъ!

Снять свой царскій вѣнецъ, золоченный нарядъ,
И веригами тѣло обвить,
Приковать къ небесамъ всепрощающимъ взглядъ
И молить, и молить, и молить!

Скачетъ царь по простору Московскихъ полей,
Окруженный опричной лихой,
И далеко разносится топотъ коней,
И становится небо яснѣй и яснѣй.
И живителенъ воздухъ сухой.

III.

Вотъ оно! Вѣчной сіяя загадкою,
Солнце взошло изъ тумана,
Солнце зажглось,—и складка за складкою
Сходить съ лица Іоанна.

Близъ отчеканилось, даль прояснилася,
Въ воздухѣ вѣть мечтою,
Сочно улыбка небесъ отразилася
За ночь остывшей землею;

Гдѣ-то озера блестятъ за осѣкою,
Роща желтѣется гдѣ-то;
Льются и льются рѣкою широкою,
Зыблются полосы свѣта.

Онъ оглянулся,—толпой разноцвѣтною,
Конскимъ уборомъ сверкая,
Мчится за нимъ его стража завѣтная,
Мчится опрична лихая.

Свѣта небеснаго силой могучею
Душу его озарило, —
И разлѣтѣлась изорванной тучею
Грозная темная сила.

Призраки ночи томительно-длинные
Стали тускнѣть и пропали,
И загорѣлись глаза соколиные
Блескомъ отточенной стали,

Онъ-ли дрожалъ передъ страшнымъ видѣніемъ,
Ночь испугала его-ли?
Снова онъ полонъ несатымъ стремленіемъ,
Полонъ и силы и воли;

Нѣтъ уже въ немъ ни сознанія несчастія,
Ни покаяннаго крика;
Снова онъ вѣритъ въ свое самовластіе,
Снова онъ царь и владыка!...

Ставка-ль бѣлѣетъ вдали богатырская,
Парусъ-ли вьется веселый?
Это желанная сѣнь монастырская,
Это Угрьшскій Никола.

Вотъ заблестѣли главы золоченныя
Подъ голубымъ небосклономъ.
И огласилася даль полусонная
Мѣрнымъ заутреннимъ звономъ.

Дружно рванулися кони усталые,
Звякнули о земь копыта...
Въ небѣ кричатъ журавли запоздалые,
Дымкою сизою, дымкою алою
Даль голубая обвита.

Конченъ путь. Передъ ними стѣна вся въ зубцахъ,
За стѣною зеленыя ели,
Отворить имъ рѣзныя ворота монахъ,
Поклонился, едва устоявъ на ногахъ,
И испуганно бросился въ келы.

Вышесть старый игумень на встрѣчу царю,
Чернецы за нимъ стали съ поклономъ,
Загудѣть съ новой силой по монастырю
Несмолкаемый звонъ съ перезвономъ...

У обѣдни на хорахъ стоитъ Іоаннь
И внимасть онъ пѣнію клира.
И поклоны кладетъ онъ за всѣхъ христіанъ.
За спасенье отъ скорби, и гнѣва и ранъ,
За союзъ и за міръ всего міра.

И душѣ его бурной и скорбной легко,
И покоемъ смѣнилась тревога:
Треволненія мірекія стоятъ далеко,
Отъ смиренной обители Бога.

Вдругъ раздался чуть сдержанный шумъ у дверей.
И колеблясь толпа сторонится,
Древній высохшій схимникъ проходитъ межъ ней.
Голова его бѣлаго снѣга бѣлѣй,
И вериги поверхъ власяницы.

Онъ становится передъ святымъ алтаремъ,
Подымая молитвенно руки,
Онъ не видитъ царя, но замѣченъ царемъ,
И не свѣтятся царскія очи добромъ,
И горять въ нихъ воскресія муки.

Онъ узналъ его.—Схимникъ въ желѣзныхъ цѣпяхъ
Былъ Иванъ Голохвастовъ-Казаринъ,
Посѣдѣвшій за русскую землю въ бояхъ,
Посидѣвшій и въ думѣ бояринъ.

За упрямый отвѣтъ и за смѣлый совѣтъ
Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ онъ въ опалѣ.
Но не терпитъ бояринъ отъ этого бѣдъ,
Далеко отъ него мѣръ тоски и суетъ,
А умереть онъ,—такъ будетъ и далѣ.

Онъ не видитъ царя,—но угрюмо стѣдятъ
За отшельникомъ царскія очи,
И кипитъ въ немъ опять подозрѣнія ядъ,
И забыты имъ ужасы ночи.

Служба кончилась. Вышелъ въ притворъ Іоаннъ,
Вышелъ схимникъ,—и встрѣтились оба;
Но не гнется и здѣсь его высохшій станъ,
И на лицахъ монаховъ боязни туманъ,
А на лицахъ опричниковъ злоба.

И спокойно, и смѣло, и прямо глядитъ

Старый схимникъ въ лицо Іоанна.

И, наморщивъ чело свое, царь говоритъ:

— „Ты совсѣмъ точно ангелъ небесный на видъ,
„Но надѣлъ эту маску ты рано!

— „Мягкосердъ былъ я къ вамъ! Здѣсь, святымъ
[притворясь,

Ты, навѣрно, кусашъ мнѣ крамолы,

„И съ измѣной московскою тайную связь

„Ты блюдешь, въ монастырь отъ меня хоронясь,

„Только вамъ не пособникъ Никола:

„И напрасно царю мнѣ ты шею не гнешъ,

„Зная то, что избранникъ я Божій.

„Вотъ слушаемъ мы, что-то ты запоешь.

„Какъ за это заплатишься кожей!“

^

Вздрогнувъ схимникъ, но полонъ святого огня

Взглядъ его, незнакомый съ боязною:

— „Царь, напрасно ты пыткой пугаешь меня

„И грозишь мнѣ мучительной казнью!

„Отъ молитвъ я ослабъ, отъ поста изнемогъ.

„Бременить меня грѣшное тѣло,

„Если хочешь призвать меня Праведный Богъ,—

„Я пойду на мученія смѣло.

„Да не худо-бы, Царь, и тебѣ вспомянуть
 „О душѣ и судищѣ Христовомъ.
 „И тяжель, и тернистъ, и ужасенъ твой путь...
 „О, когда-бы въ тебя покаянье вдохнуть
 „Могъ предсмертнымъ и слабымъ я словомъ!

„Какъ предстанешь на судъ, отягченный грѣхомъ
 „Столькихъ жизней, погибшихъ на плахѣ!
 Оглянись на себя! Подъ твоимъ сапогомъ
 „Даже камни колеблются въ страхѣ!

„Оглянись, избывающій мнимыхъ враговъ!
 „Не ослабла Господня десница:—
 „За грѣхи твои снять ужъ Владычій Покровъ,
 „И легла на наслѣдіе нашихъ отцовъ
 „Гнѣва, нужды и скорбей багряница.

„Оглянись, — на землѣ твой стонетъ народъ,
 „Какъ подъ вражьими стрѣлами въ станѣ,
 „Отъ саразы чумной и отъ голода мретъ,
 Съѣтъ въ землю зерно, но плода не беретъ.
 „Оглянись, оглянись, Іоанне!...“

Схимникъ смолкъ весь дрожа ему царь говорить,
 И усмѣшка во взглядѣ играетъ:
 — „Ты совсѣмъ точно ангелъ небесный на видъ,
 „Только ангелъ небесный...—летаетъ;